

ТЕАТР

ШЕКСПИР

ТРАГИЧЕСКИЙ

Королевский Шенспировский театр завершает сегодня гастроль в Ленинграде, показывая Шенспира трагического. Его «Король Лир» поставлен режиссером Питером Бруном и сыгран английскими артистами как суровая и величественная притча о заблуждающемся человеке, лишь тогда познавшем ценность личности, когда ему на собственном опыте довелось узнать бесправие и беспомощность людей в мире хищничества и насилия, деспотизма и произвола.

«Король Лир» — спектакль превосходного ансамбля, но прежде всего это спектакль Пола Сноффилда в заглавной роли. Необычайная глубина проникновения актера в противоречивый и мятущийся мир Лира проявляется в неожиданных (особенно для этой роли) формах игры — по преимуществу сдержанных движениях, скупой мимике, взрывающемся лишь в моменты самых острых кульминаций голоса. Гнев Лира у Сноффилда иногда скрывается только в чуть более пристальном взгляде, раскаяние обнаруживается в еле уловимой паузе, а нравственное прозрение, возвышение Лира над самим собой выражается в затененном мерцании прямо глядящих глаз... Таков этот Лир, Лир философского спектакля, Лир интеллектуальный, чье крушение является прежде всего крушением деспотических воззрений, а нравственное рождение стало торжеством гуманизма.

Режиссер постиг поэтическую цельность одной из самых причудливых по художественному строю шенспировских трагедий, и потому история двух сыновей Глостера помогает в спектакле понять его глубокий смысл. Когда Эдгар в тонком и горячем исполнении артиста Брайана Марри, притворяясь безумным, срывает с себя одежды, чтобы остаться голым, обнаженным на протяжении многих эпизодов, его незащищенность перед ударами судьбы не только приобретает смелое до резкости шенспировское выражение. Это становится как бы зримой параллелью к истории властного короля, превращающегося в самого обыкновенного, бессильного перед обступившим его злом человека. Ведь и сам Лир в один из моментов действия трагедии хочет сорвать с себя одежды. — его подобный красным некогда королевский плащ спадает со старческих плеч... Не с этой ли минуты в глазах Лира возникает обретенная мудрость?

«Король Лир» у англичан — во многом мрачное и жестокое зрелище. То и дело возникают в глубине сцены грубые фигуры неподвижно стоящих с широко расставленными ногами воинов. Звучит сравнения — скрежещущий лязг металла — доносятся, сотрясая воздух, из-за кулис, чтобы затем наступила на миг мертвая тишина, быть может, еще более ужасная, чем скрежет и грохот, — тишина смерти. Злые

силы в спектакле часто опасны потому, что ловко припрятаны хитрыми личинами. Голубоглазое злодейство олицетворяет Эдмонд — артист Иэн Ричардсон. А Освальду — прислужнику подлости, тонко сыгранному артистом Майклом Уильямсом, хотя он одет в блекло-зеленую, змеиного цвета кожу, моментами светлые волосы придают облик чуть ли не простодушного юноши. Многоликость зла — одна из тем спектакля. Но отнюдь не пессимистические жизненные ощущения определяют его содержание.

Режиссеру важно показать мощь добрых сил. Сверкают решимостью защитить и помочь ясные глаза могучего и благородного Кента — артиста Тома Флеминга; не насмехаясь, а чтобы пробудить сознание, нашептывает королю то горькие, то скорбные афоризмы шут — артист Алек Мак-Коуэн. Перед своим изгнанием замечательная Корделия — артистка Дайана Ригг уходит, взглянув на отца не с самолюбивой оскорбленностью, а с печалью, и это говорит зрителю к тому, что в конце трагедии гордая девушка станет воспитательницей во имя справедливости. Важен в спектакле эпизод, когда измученный Лир нежно обнимает ослепленного Глостера, и один несчастный старик пытается поддержать другого, а юный Эдгар потрясенно смотрит на это чудо человеческого взаимопонимания и сочувствия. Когда близко к финалу вносят на деревянном кресле спящего Лира, одетого в грубый холщовый хитон, и теперь подобно библиейскому мудрому старцу, зритель чувствует в этом чудесном моменте не только бережность к старику, но и некую гармонию, обретенную лишенным власти королем. Закономерно, что такой драгоценной становится для Лира маленькая слезинка Корделии. Лир — Пол Сноффилд всем существом прозревшего человека ощущает ее на кончиках пальцев, и по лицу его в этот момент как бы прольет облако, смывающее с души короля все наслоения его прошней жизни.

Но знаменательно, что доброта Корделии или Эдгара в спектакле не только свойства их натур. Есть в ней могучая призывная сила, энергичное стремление пробудить в людях все истинно человеческое. Артисты постигли особый, мужественный, «шенспировский» характер этой доброты, не отделимой от непримиримости к злу, к несправедливости. Оттого взгляд Корделии сверкает и голос звенит, когда она встречается с предательским лицемерием, а рука Эдгара так сильно в поединке с низким Эдмондом. Оттого в финале горе Лира воспринимается как его мучеж. Шекспир трагический у английских артистов возникает как воинствующий поэт-гуманист.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

Вечерний Ленинград
14 Ленинград

30 MAR 1961